

Сев. Россия, 1987, 12 янв.

мир вчера, сегодня, завтра...

«...Для разрешения вопросов войны и мира одного оптимизма явно недостаточно...»

Раздумья Леонида Леонова о человеке и человечестве

— Желаю моим современникам и читателям благополучного развития с дальнейшим углублением плодотворных перемен в нашей жизни, не только для нас, но и для народов всего мира.

Желаю, чтобы новогодняя ночь была рубежом перед великим пробуждением человечества от непродуктивного военного кошмара...

Этими словами новогоднего пожелания, обращенного к читателям «Советской России», Леонид Максимович Леонов завершил нашу беседу. Она состоялась в канун Нового года у него дома, в Москве, на улице Герцена. Мы говорили о самом насущном в нашей жизни — о судьбе человечества и о мире, о тех процессах, которые происходят сегодня. Леонид Максимович подчеркнул, что все эти темы волновали его всегда. Он протянул руку к книжной полке, где стояло его последнее собрание сочинений, и в подтверждение своей мыс-

ли раскрыл один из томов. Возьмите и вы, читатель, такие работы разных лет, как «Судьба поэта», «Разговор о теме дня», «О театре будущего», «Прыжок в небо», «У новогодней елки». Вы увидите, в них есть все, о чем мы сегодня говорим. Всякое слово, благословляемое Леонидом Леоновым в печать, он подвергает многократной проверке. Журналистские «беседы с писателями», получившие довольно широкое распространение в последнее время, не поощряет, считая, что в таком «жанре» писатель невольно обретает черты личности того, с кем беседует.

Так с одобрения Леонида Максимовича Леонова и с его участием родилась эта необычная по замыслу и композиции публикация, где каждое слово прошло проверку временем и, как нам кажется, звучит сегодня необыкновенно актуально. Мы предлагаем читателям самим убедиться в этом.

Есть свойство в человеческой природе: мы привыкаем ко всему, что ежеминутно гордой радостью должно наполнять наши сердца. Великие исторические благодеяния, самые источники жизни нашей мы от рождения принимаем за естественные дары судьбы. Мы привыкли и к солнцу... Но в мыслях отменяете его на минуту, и какой холод ринется на ваши души!

Потребность осмыслить события текущих дней, самый трудный переход из позавчера в послезавтра, крайне велика у современников.

...Несомненно, мы живем в век крупнейших перемен, не только социальных. Меняется все — техника, моральные и научные воззрения, представления о космосе, способности передвижения, плотность населения. Человечеству становится тесно на земле, и, пожалуй, тесно уму в пределах, которыми он ограничен сегодня. Какие-то общие, неминуемо возникающие, перво-степенной важности цели, с одной стороны, и, с другой стороны, становящаяся тесной жилищная планета сбивают людей в одну, все более плотную семью. До такой степени плотную, что народы слышат за не в меру утончившейся стенкой голоса и самое дыхание своих соседей. Человечество поставлено в необходимость очень интенсивно, объединенно обсудить создавшиеся условия, выработать наилучшие способы человеческого общежития. Недаром же у людей такое высокое звание, как Homo sapiens. Наша планета сейчас такой населенный дом, что все дети в нем начинают плакать одновременно. Надо твердо усвоить людям: если твоему ребенку плохо, то и моему наверняка будет тоже неважно. В случае пренебрежения к этим вопросам может случиться, что заплачут и их отцы.

...В конце концов современный человек слишком привык к накопленным богатствам, к удобствам коммунального обслуживания, к неустанным наукам, которые тысячами трепетных глаз и пальцев день и ночь — буквально день и ночь — ошупывают окрестности бытия для отыскания все новых источников пищи уму и телу.

Как правило, при виде затопанной, обжарившейся гайки редко кому приходит в голову, что под его ногой — почти чудесная материальная дата в человеческом прогрессе, а при некотором печальном обороте дел — даже потенциальная святая на гайтане дикаря. Мы так редко вспоминаем, сколько же веков бессонного вдохновения и творческих огорчений понадобилось, чтобы этот граненый, с нарезкой внутри кусок железа закрепили собою еще один достигнутый этап нашего благополучия. Если бы хоть немножко чаще — человечество больше пенило бы свою великодушную, разностороннюю и безмерно непрочную цивили-

зацию, где мановением руки доставляются буквально все основные блага человеческого существования...

Право же, представляется порой, что человечество некоторым образом чрезмерно зазналось на своем крохотном летящем островке среди пылающей тютчевской бездны...

Древние не зря называли тернистый путь человеческого развития дорогой к звездам. Если оглянуться с достигнутой вершины на историю человеческого возвышения от колыбели в перегретой архейской лагуне до нашего безоговорочного нынешнего гегемонства, легко просматривается, на мой взгляд, сквозная идея этого движения, — и пускай сведущие мудрецы подскажут мне какую-то иную, более достойную человеческого званья цель! Разведка неба — вот содержание человеческого прогресса. Стихийное вначале стремление, оно с течением времени становилось все сознательней: заострить взор, протянуть руку в глубь Метагалактики, — настолько утолить пальцы и осознание, чтобы по своему усмотрению перемещать мельчайшие кирпичики микрокосмоса. И таким образом, с одной стороны, увеличить прочность вещества, чтоб не плавилось на космических скоростях, когда испаряются и метеоры, а с другой — создать предельной емкости горячее, — горсть на всю трассу до Полярной звезды! — чтоб род людской смог преодолеть земную тьгу и умным посевом разбрызнуться по Большой Вселенной...

Любопытно было бы проследить — в лупу времени, что ли, — как совершенствовалось на высшую биологическую ступень живое праведство, как робко, в течение миллионов лет, выбиралась на берег из недр морских тускло-зеленая водоросль, поближе к солнцу, чтобы однажды покрыться чудесными цветами и, уже в расчете на сотрудничество смежных форм, спелыми плодами... Или как нехотя, и тоже через уйму времени, покидали планету ленивые, жестокие ползучие рептилии, потомки которых известны нам под названием гадов, закованные в тяжкие пластинчатые панцири и снабженные надежным оборудованием для вспарывания брюха задремавшему приятелю. На смену им, оглашавшим тишину мезозоя лишь лязгом членистых, приходили новые, легкие виды, способные с песней плескаться в синеве июньского неба или с ветром наперегонки мчаться по необозримым, также изменившимся степям...

Хочется спросить у современников: не напоминает ли наша эра вооруженных до зубов государств ту, давно минувшую, когда вот так же возлежали они по материкам, бронированные туши, угрожающе шевеля убойной снастью и карауля друг дружку крохотным, сквозь амбразуру, недоверчивым глазком. И как же медленно доходит до их

сознания призыв к благоразумию — скинуть наконец одинаково парализующую всех нас, столь осточертевшую людям военную обузу.

Словом, в наши дни для разрешения вопросов войны и мира одного оптимизма явно недостаточно, желательно также приложить ума и воображения.

Давно должен был бы последовать международный акт о безоговорочном, при любых политических разногласиях, воспрещении столь бесчеловечного и, главное, абсолютно бессмысленного оружия, как атомно-водородная дубина. В случае возникновения большой, с огнем, дискуссии аргумент подобной силы явится скорее средством обоюдного навечно упокоения, чем доказательством чьего-либо превосходства... А ведь это запретительное соглашение доказало бы волю человечества к единству, его способность к единому мышлению о самом себе, без чего земное житишко может однажды покончиться несчастием, похожим на ужасный биологический взрыв перебродившего белка. Однако что-то не слышать за окном кликов удичного ликования, каким население планеты встретило бы желанную весть об освобождении от немецкой тоски по поводу щемящей трагедии...

Летописец нашего времени по достоинству оценит величавую и терпеливую настойчивость, с какой моя страна, располагающая вполне современным арсеналом, стремится обезвредить жало войны. В особенности дурно выглядят упорство старого Запада в отказе даже от убийственно загрязняющих воздух термоядерных испытаний, применяемых единственно ради остроты, наподобие пальбы из пугача. Водородная бомба не нуждается в улучшении, потому что уже достигла вполне достаточного коэффициента полезного действия...

Я не верю в войну, она означала бы конечную степень отчаяния и безволия к жизни, биологическую обреченность людской породы. А ведь истинная история человечества, посредством которой только и можно оправдать наш долгий, невыносимо тернистый путь к звездам, к овладению высшим

умным счастьем, — целиком покамест впереди!

...Признаемся в дружеской новогодней беседе: ведь, несмотря на все уже достигнутое, люди еще не начинали жить, как оно полагалось бы по их человеческому званию. Если на минутку допустить, что покидаемый нами вчерашний день земли — с его всемирными боями, расистскими гонениями, ограблением слабейших при помощи тончайших ухищрений совести и разума, с Гитлером и лагерями смерти, с термоядерными грибами-убийцами на хилой, бледной ножке в версту длинной, с расточительной перекачкой материальных богатств, пота, ума, человеческих молодостей — на всевозможные дьявольские военные штучки, — с неосущаемыми материнскими слезами, упоминание о которых считается кое-где непростительной тривиальностью... — если вся пережитая кровавая слизь и грязь и есть высший удел рода человеческого, так стоило ли ему ради этого выбираться из блаженного обезьяньего неведения? Стоило ли человечеству добрых сто веков стремиться к вершинам односторонней культуры нашей, откуда тем не менее наконец-то приоткрылись дразнящие горизонты Большой Истории? Или суждено нам всем, уже почти достигнув, рухнуть и сгинуть на пороге — с пробитым сердцем, с оплаченным билетом в обетованный, мысленно из края в край исхоженный нами мир? Пещерный предок наш, обгладывая медвежий кость в семейственном углу у вечернего костра, не испытывал нашей пекотной опаски — вдруг вместе с супругой, крошками и домашним инвентарем превратиться в дым, радиоактивный пепелок, в малоинтересную звездочку семнадцатой величины. Он не знал и горький раздумий о высочайших, с божеством нас равняющих человеческих свершениях, недостижимых на земле из-за не устройств всемирной жизни, хотя бы счастье находилось на расстоянии поколения, пятилетки и, может быть, вселишь — протянутой руки.

Верю в неистребимый инстинкт жизни; он и на это раз, подобно автопилоту, ведет человечество из самого крутого и опасного выражения его истории...

Леонов Леонович

Моя первая книга — это все, что я знаю и хочу в будущем написать.

Леонов Л.